

Светлана Солнцева

Черное Дерево

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С60

Солнцева С.
С60 Черное Дерево / Светлана Солнцева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2026. – 214 с.

ISBN 978-5-521-99934-7

Я живу в двух мирах. В одном я студентка, подрабатываю курьером и просто без ума от своего горячего босса. В другом я мастер по камням, живу с гномами и бегаю от орков и навязанного мне жениха из таинственного Ордена Стражей. И все бы ничего, но я не контролирую перемещения между мирами и не знаю, в каком из них в конце концов останусь.

В тексте есть:

- Настоящая любовь
- Вынужденный брак
- Перемещения между мирами
- Двойное попаданство
- Притяжение и противостояние

ISBN 978-5-521-99934-7

© Lennex Corp, 2026
© С. Солнцева, 2026

Светлана Солнцева

Черное Дерево

УДК 82-3
ББК 84-4
С60

Солнцева С.

С60 **Черное Дерево / Светлана Солнцева. – М.: Литнет, 2026. – 214 с.**

ISBN 978-5-521-99934-7

Я живу в двух мирах. В одном я студентка, подрабатываю курьером и просто без ума от своего горячего босса. В другом я мастер по камням, живу с гномами и бегая от орков и навязанного мне жениха из таинственного Ордена Стражей. И все бы ничего, но я не контролирую перемещения между мирами и не знаю, в каком из них в конце концов останусь.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99934-7

© Литнет, 2026
© Солнцева С., 2026

Глава 1

Ньезфилд, январь

– Зотова! Глашка!

Увесистый снежок сбивает мне с головы шапку.

– Иванов, ты совсем debil?! – Отряхиваю голубую шерсть от свежих пушистых хлопьев, поджидая подбегающего ко мне парня.

– Тебя не дозовешься – в облаках витаешь! – Задорная улыбка, румянец во все щеки. Красавчик! Как злиться на такого?

– Вышку сделала? Дай списать.

Ну вот, как всегда. Только «дай списать» и дождешься, а я-то, дура, надеялась, что к себе позовет. Днюха, вечеринка. У нас с ним день разницы – сегодня ему восемнадцать, а завтра я собираю своих друзей потусить. Мы с Игорем бывшие одноклассники и снова вместе на одном потоке в универе. Вращаемся в разных компаниях. И хотя я вздыхаю по красавчику-брюнету втихомолку, наше общение ограничивается только словами «привет» и «как дела».

– Держи, – протягиваю ему тетрадь и роняю шапку назад в снег. Вот овца неуклюжая!

– Спишу и отдам.

Игорь натягивает мне шапку на растрепавшиеся локоны. Его заледенелые перчатки царапают щеки. Не торопится убрать руки и смотрит, как будто видит в первый раз.

– Фигасе, какие у тебя глаза! Золотистые!

Сокурсники окликают его, и он убегает, оборачивается, словно хочет что-то сказать, но так ничего и не говорит.

Обидно немного. Так долго знаем друг друга, что внешний вид прочно отпечатался на затворках разума, и мозг воспринимает облик далеко не так, как выглядит человек на самом деле. Ладно еще веснушки – я рыжая и им «полагается» быть. Многие так считают и искренне удивляются потом, что это не так. Нет, не то чтобы весну-

шек не было совсем. Они есть, но только весной, а потом исчезают. Но глаза! Лучше бы совсем молчал, чем расточать сомнительные комплименты. Или дальтоник, или сказать больше нечего. Обычные серо-зеленые глаза, как у мамы и бабушки.

Бреду на семинар.

Мормоновна, как всегда, забрала все мобильники – издевается над первым курсом, как над школьниками. Под монотонный голос Соколовой, читающей бесконечный реферат, хочется клевать носом. Дашка, мой верный товарищ, прогуливает пары – ни поболтать, ни поржать тихонько. Пялюсь в окно на падающий снег и спешащих по своим делам прохожих. Скучно...

Из полудремы меня выводит противный звук, как ногтем по стеклу. До мурашек. За окном большая черная птица. Не видела никогда таких крупных ворон. Сантиметров семьдесят, не меньше. Пальцем царапаю гладкую поверхность, приглашая внезапного приятеля к дальнейшему диалогу. Птица еще раз проводит по стеклу клювом с раздражающим скрежетом.

– Глафира! – Мормоновна отвлекает меня от изучения странного создания. – Ты следующая.

– Да, Валентина Мироновна.

Плетусь читать вслух свою работу, по пути размышляя, сколько в природе птиц с желтыми глазами, и желтые ли они у ворон.

Дома меня ждет мой любимый супчик – грибной. Вкуснятина! Грибы бабушка собирает и сушит, а потом мы всю зиму ароматные кушанья едим.

Скидываю сапоги и прямо с порога, не снимая куртки, как Рокфор за сыром, на запах желанного блюда, прусь на кухню, водя носом в предвкушении.

Бабушка смеется, а мама кричит:

– Разденься сначала!

Я уговорила целую тарелку супа и попросила добавки под одобрительный бабушкин взгляд. Они с мамой сидят вместе со мной за столом и обсуждают, что приготовить в субботу, когда съедутся родственники, чтобы отпраздновать мои восемнадцать. Я молча жую и иногда киваю им, соглашаясь на то или иное яство. На самом деле день рождения у меня завтра, в пятницу, и мы с подружками идем в кафе, а тетя с кузенами нагрывают в выходные.

Довольно потираю живот:

– Спасибо за суп, бабуль!

– На здоровье, дочь наша!

Улыбаюсь бабушке – люблю, когда она меня так называет, как в старой сказке про царевну Будур.

– Может, еще половничек?

Делаю вид, что размышляю над вселенской проблемой.

– Не, не вместится уже.

– Да ты и так кожа и кости! – Ну конечно, совсем тощий ребенок, по мнению бабушки.

– О, солнышко выплянуло, наконец-то! Всю зиму без солнца, – вздыхает мама.

Солнышко – это хорошо. И на улице красиво, и витамин Д. Но сижу перед окном, и редкие в этом январе солнечные лучи светят в глаза, заставляя щуриться.

– Я к себе, – встаю из-за стола.

– Глаааш! – Голос мамы настолько встревоженный, что я плюхаюсь назад на стул.

– Чего?

– Мам, посмотри на нее!

Бабушка застывает с половником в руках, не отрывая от меня взгляда.

– Да чего? Что случилось-то?

Я почти в панике жду от них ответа. Но мои два самых близких человека молчат в ступоре.

– Ну? – Перебираю в голове варианты, где могла накосячить. Руки помыла, в домашнее переоделась. Реферат не завалила.

– Глаш, умойся сходи, – «отмирает» мама.

– Ладно, – хмыкаю я и плетусь в ванную.

Из зеркала на меня смотрит абсолютно чистая бледная моська. Только глаза блестят золотистым светом, как и заметил Иванов. Что это? Освещение? Флуоресценция? И на улице тоже? Умываюсь и снова разглядываю себя. Да нет, все в порядке. Просто показалось.

Домашние ведут себя странно. Егоровна, соседка, наверное, уже настойки им на субботу приперла. Надегустировались что ли?..

Каменный пол сырой и скользкий.

Тишина дребезжит в ушах. Ноги вязнут, тонут, проваливаются, слово в иле.

Холод. Ледяной, пробирающий до костей, сковывающий последние робкие попытки уйти, убежать, убраться из жуткого места.

Темнота. Мрак. Бездна и страх. Испарина на лбу и бешеный стук сердца.

Нечеткий силуэт в дрожащем свете свечи. Рваные тени Черного Древа на арочных сводах.

ОН. Исчадие Бездны и Ужаса. Порождение ночных кошмаров, дитя моей изошренной фантазии.

Он ждет меня.

Я – его собственность.

Подрываюсь на диване от Дашкиного звонка. Не заметила, как заснула. Но подруга вовремя: избавляет меня от жутких сновидений. Давно я не видела этот сон. Но он как бумеранг – не избавиться

ся. Возвращается, каждый раз пугая меня до чертиков, заставляя просыпаться в холодном поту. Это первобытный, глубинный, абсолютный страх.

И вряд ли он связан со смертью отца в автокатастрофе, как предположила психолог. На сеанс к ней в прошлом месяце меня затащила Дашка – только с ней я делилась своими кошмарами. Отца я не помню: мне не было и трех лет, когда он погиб. А сон я начала видеть лет с пятнадцати. Не стала я ходить больше к этой дилетантке: все ее занятия – простое выкачивание денег. А моей семье они доставались не так легко, чтобы выбрасывать их на ветер. Справлюсь сама – перерасту, проработаю проблему.

– Глаш, выбирайся, мне Лешка звонил. Иванов всех на даче у себя собирает.

– Да ну! Как мы припреемся без подарка?

– Я тебя умоляю! Какие подарки? Кто их тащит на вписку?

– Даш, я не собиралась никуда. Краситься надо.

– Да ты и так у нас красотка! Одевайся! Заскочу через двадцать минут.

Действительно, было бы для кого марафет наводить. Соколова все равно на Игоре повиснет и шагу ему ступить без себя не даст. Новые джинсы, худи, высокий хвост – вот и весь лук для пати. Сойдет.

– Мам, я к Дашке! – кричу я, выходя в подъезд.

Мама и бабушка закрылись на кухне и что-то выясняют. Вроде и не ругаются, но что-то убедительно друг другу доказывают. Не стала влезать в разговор. Позвоню им потом, все равно я ненадолго – не до ночи.

Совсем стемнело, когда мы с Дашкой добрались до пригорода. Дом Ивановых нам долго искать не приходится: музыка гроыхает на весь дачный поселок. Замерзнуть не успеваем, но ночь обещает

быть особо морозной, видит на телефоне уже сейчас показывает минус девятнадцать. Сильные температурные перепады мало кому идут на пользу, у мамы часто болит голова в такие дни. Вот и ответ на ее неадекватное поведение сегодня: мигрень. А я уже конспирологические схемы настроила.

Просторный, трехэтажный коттедж назвать дачей не поворачивается язык. Не Рублевка, конечно, но и не садовое товарищество, как мы с Фроловой ожидали увидеть. Даже не думали, что родители Игоря настолько обеспеченные люди.

Открыв рты, мы в восторге оглядываемся по сторонам. Главный дом, дорожки, беседки, другие постройки и деревья переливаются огнями – после праздников еще не убрали иллюминацию.

– А Игорь-то у нас мажор, – тихо протягивает Дашка. – А с виду и не скажешь...

– Умело шифруется, – соглашаюсь я.

Вот тебе и одноклассник... Кем у него были родители? На память приходит, что отец – адвокат. Но настолько успешный?

От созерцания окрестностей нас отвлекает Muse на рингтоне. Мама легка на помине. И как с ней говорить в таком шуме? Сразу поймет, что я не у Дашки, а потом весь мозг проест, что не предупредила ее, что уехала далеко, да еще на такое мероприятие. Сбрасываю звонок и пишу сообщение, что мы с Фроловой на кассе в супермаркете, перезвоню позже.

Заходим внутрь: дверь не заперта, как и кованые ворота на заборе. Желающих подработать швейцаром на гулянке не наблюдается. Как ни странно, внутри музыка играет тише – колонки, видимо, выходят на улицу. А что, пусть все соседи знают – у Ивановых вписка. Благо соседей не так много: зима и новогодние каникулы закончились.

Виновника торжества не видно, как и Соколовой. Только танцующая, орущая толпа, уже навеселе. Многих я не знаю даже в лицо. «Наших», с потока, тут раз-два и обчелся. Как в американских фильмах: у вас вечеринка? Тогда мы идем к вам! Осталось только

разнести к чертям эту роскошную дачу да нарваться на полицию, чтобы уж совсем было аутентично.

– Интересненько, – кивает мне Дашка на ругающуюся у панорамного окна парочку. Предмет ее воздыхания, Титов, выясняет отношения со своей девушкой. Невезучие мы с ней: влюбляемся в вечно занятых парней.

– Давай, раздеваемся и вливаемся в коллектив. – Подруга довольно улыбается. – Потусуемся здесь рядом.

– Ты что, будешь следить за ним? – тарашу в недоумении глаза на Фролову.

– Ну а что, – Дашка засовывает шапку в рукав куртки, – она свалит, а я тут как тут.

Ухмыляюсь и качаю головой. Ее дело. Пусть берет нахрапом, если хочет. Наверное, так и нужно: не ждать милостей от природы, а брать дело в свои руки. Не сидеть, как я взаперти, в ожидании Иванушки-дурачка на Сивке-Бурке.

Пробираемся сквозь толпу в просторную гардеробную. Там навалено столько курток, пальто и прочей верхней одежды, вперемешку, что становится ясно: потом мы свои вещи не откопаем.

– Оставим где-нибудь еще? Наверху, в комнатах?

– Хочешь нарваться на настоящий секс? – часто хлопаю ресницами, изображая глупую непосредственность. Не хватало еще Иванова застать в пикантной ситуации.

Дашка осекается, но потом соображает, что ей хочу донести, и ржет:

– Закрывать надо! Чтоб потом по Сети всякая мерзость не ходила.

Предлагаю ей пройтись до застекленной веранды на дальнем конце участка и оставить одежду там. Вроде тихо и людей не наблюдается.

Оставляем пуховики на лавке в уютном строении и понимаем, что назад нам придется бежать по морозу. И хотя я одета гораздо

основательнее Фроловой в ее тонкой рубашке, визжу не меньше нее, несясь назад, в тепло вечеринок. За минуту быстрого бега успеваем поднять на лай всех окрестных собак.

Заходимся от смеха в прихожей.

– Зотова, ты чокнутая! – Дашка держится за покрасневшие щеки. Ей, блондинке, румянец к лицу. Не то что мне: сливаюсь по цвету с волосами.

– Сама такая же! – толкаю ее в плечо.

А потом я поднимаю глаза и вижу у лестницы Игоря. Парень открыто, искренне улыбается мне и протягивает руку:

– Потанцуем?

Ошалев от неожиданности, не успеваю даже обрадоваться. Но вкладываю свою ладонь в его и иду в холл, оборачиваясь на подругу, показывающую мне большие пальцы вверх сразу с двух рук.

В это время в другом мире...

Хорг лениво взирал на окрестности в лучах заходящего Светила. Узкий проем, вырубленный в скале, заменял Большому Залу окно и был единственным источником света в замке. Орки не боялись света, но и лишний раз находиться в лучах дневной звезды желания не испытывали: солнце причиняло дискомфорт привыкшим к полумраку глазам.

Первый Орк – мощный и мускулистый – наблюдал, как тренировались внизу, на каменном плато, его верные подданные. Заключенное с эльфами и гномами прежним правителем перемирие не продлится долго: свирепая кровь бушует в венах Орды; она толкает орочье племя на бесконечные сражения, требует свежего, вкусного мяса, прекрасных дев, способных зачать и выносить сыновей.

Золото и драгоценности – дань за мир, откуп жителей Леса и Подземелий, мало значили для Пожирателей. Хорг принял очередную требу для отвода глаз: дать время Орде собрать новые силы. Несколь-